сочинение без правдоподобия».[19] На первый взгляд книга эта ничем не отличалась от любовных романов, которые в большом количестве появлялись во Франции в конце XVII—начале XVIII века. Любовные приключения главного героя, принца Анголы, казалось, придуманы были автором — Жаком Рошетт де ла Морльером — для того, чтобы раздразнить чувственное воображение читателей. Ж. М. Керар[20] писал, что «Ангола» является «непристойным романом, который имел сначала большой успех, нежели он того заслуживал».[21]

Что же привлекло Вороблевского в этом романе? В книге как бы сосуществовали две линии: одна, — повествующая о галантных приключениях молодого принца, и другая — сатирическая, резко высмеивающая быт и нравы феодального двора. Крепостного переводчика «Ангола» привлекала именно сатирической направленностью. В насмешливой форме здесь проводилось сравнение сказочного Эрзеб-Кана с царями XVIII века. В отличие от последних Эрзеб-Кан «властвовал сам над своими подданными» и «войны предпринимал по справедливости» (ч. I, стр. 1—2). Он не был похож на царей XVIII века и тем, что «на подданных своих налагал подати самые нужные и обходился благосклонно со своими рабами» (ч. I, стр. 2).

В полупрозрачных намеках повести перед читателями вставала мрачная картина лицемерия и продажности придворных, у которых все было подчинено интересам сластолюбия». «А я, — говорит принцу Ангола один из придворных, — смотрю на прекрасных женщин так, как на товар, бываемый у купцов, который всякой может требовать» (ч. II, стр. 5). Придворные обманывают друг друга, сама царица их Светозара признается, что двор ее — «страна уверений и притворств» (ч. II, стр. 6). Вслед за господами лгут слуги — «бесполезная толпа, следующая или предшествующая большим боярам» (ч. II, стр. 56). Эти грубые и наглые люди по-лакейски высокомерно относятся ко всем, кроме своих господ, которых они при случае обманывают.

Нескромное изложение любовных приключений Анголы не затемняло и не смягчало остроты социальной критики, а некоторые страницы повести могли восприниматься русским читателем XVIII века как прямой намек на двор Екатерины II. Ска-

---

[19] Ангола, индейская повесть. . , перевод с французского. М., 1785. (В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте).

[20] J.-M. Quérard. La France literaire. . ., т. 4. Paris, 1830, стр. 504.

[21] Губерти считает, что это произведение отличается «непристойностью и цинизмом описываемых в нем сцен» и «полнейшею безграмотностью перевода» (см. его «Материалы. . .», вып. II, стр. 203—204). — *Прим. Ред.*